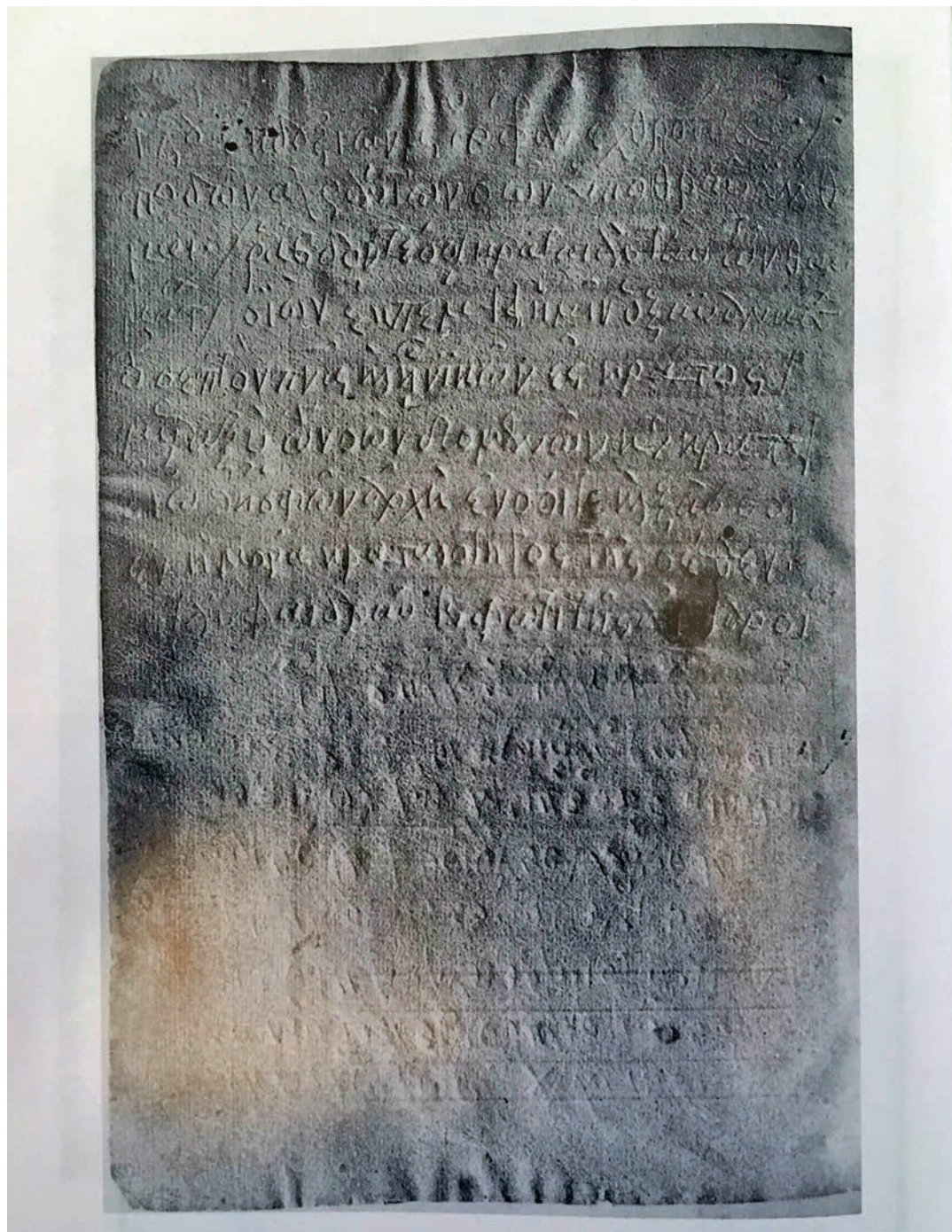

Марко находилась совсем рядом с кельей Михаила) имел огромное влияние на умы современников: его проповедь аскетизма, призванного реформировать церковь и избавить ее от множества пороков, подвигла Сандро Боттичелли сжечь некоторые свои холсты. Позже, уже в Москве, встав на сторону «нестяжателей» в полемике о церковном землевладении, Михаил-Максим с большим пиететом будет отзываться о «великом подвижнике» Савонароле, казненном в 1498 году.

Но обета в Сан-Марко Михаил из Арты так и не принял: спустя примерно год он покинул монастырь. Отказ от монашеской жизни был вынужденным: гонения на сторонников Савонаролы усилились, монастырь приходил в упадок, и какие-то доподлинно неизвестные нам обстоятельства, крайне тяжелые для Михаила, сделали его пребывание там невозможным. Всего через три года, в 1506 году, Михаил все-таки стал монахом, но уже в Ватопедском монастыре на Афоне.

Толковая Псалтырь

В Москве Максим сразу же взялся за переводы. Первым был переведен Толковый Апостол, следом — Толковая Псалтырь. Этот огромный труд был завершен к концу 1522 года усилиями самого Максима, переводившего с греческого на латынь, и его русских помощников — Дмитрия Герасимова и Власа Игнатова, которые переводили с латыни на церковнославянский. До сих пор этот текст не знает себе равных ни по размеру, ни по значимости в истории церковнославянских библейских переводов. И до сих пор слависты не знают доподлинно, какими греческими источниками пользовался Максим, привез ли он их с собой с Афона или из Константинополя или обрел в московской великокняжеской книгохранилище.

Толковая Псалтырь, как и Геннадиевская Библия, стала сводом, но только не «четых» книг, а комментариев к самой читаемой в Средневековье библейской книге — Псалтыри. Эти комментарии принадлежат 24 толковникам — святоотеческим авторам, большинство из которых славянским читателям раньше было неизвестно и недоступно. Безусловно, это был институцио-

—Греческий текст Псалтыри, процарапанный Максимом Греком на свободных листах славянской рукописи во время волоколамской ссылки

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Владеющий греческим, многосторонне образованный Максим сразу стал авторитетом для любознательных и интересующихся русскими книжников, монахов и светской публики — вплоть до великого князя

нальный проект, одобренный великим князем и митрополитом Даниилом, но он имел и огромное просветительское значение, будучи своего рода энциклопедией средневековой теоцентрической культуры. Несколько последующих веков этот внушительного размера фолиант переписывался великое множество раз.

Максимова академия

По завершении работы переводчику, как он ни просил, не было позволено вернуться на Афон. Максим, к тому времени уже освоивший и церковнославянский книжный язык, и разговорный русский, взялся за новые, новозаветные толковые переводы и за исправление служебных книг, изобиловавших ошибками и описками.

Владеющий греческим, многосторонне образованный Максим сразу стал авторитетом для любознательных и интересующихся русскими книжников, монахов и светской публики — вплоть до великого князя. В Чудовом монастыре вокруг Максима постепенно стал собираться круг учеников, собеседников и единомышленников. Здесь не только «спирались о книжном» и толковали Писание, но и говорили о разном: об астрологии, в ту пору весьма популярной, о праве на монастырское землевладение, расколовшем церковь на «стяжателей» и «нестяжателей», о «латинстве», католических орденах и унии, об афонских монастырях и их устройстве, о европейских обычаях и внутренних московских текущих делах 1520-х годов, будь то набег крымского хана на русские земли или намерение великого князя развестись с Соломонией Сабуровой и жениться на Елене Глинской ради рождения наследника (будущего Ивана IV), о свободе воли и самовластии души, о природе власти и идеале властителя...

Суды и ссылки

Посиделки в келье Максима закончились привычным образом: в 1525 году состоялся первый суд, а через шесть лет — второй. Обвинения против Максима дошли до нас в так называемых судебных списках, объединивших оба процесса. Не считая шитых белыми нитками обвинений в изменнических связях с турецким послом и шпионаже в пользу Турции, за Максимом числились две основные «вины»: еретическая правка богослужебных текстов и отрицательное отношение к поставлению русских митрополитов в Москве, а не в Константинополе. Последнее для грека было очевидным: правовые основания автокефалии русской церкви появились только в конце века, разрешительной грамоты на поставление от константинопольского патриарха у русских в тот момент не было.

С «богохульными винами» ситуация была сложнее: во фразе «и седе одесную Отца», относящейся ко Христу и читающейся в Триоди и других богослужебных текстах, Максим исправил форму аориста седе, которая могла обозначать и второе и третье лицо, на перфект седел еси или седел есть, однозначно указывающий на лицо. Эта грамматическая однозначность была важна для Максима: она маркировала два самых типичных библейских контекста — «речь к Богу» и «речь о Боге» — и позволяла правильно толковать тексты. Но не сильно искушенные в толкованиях противники Максима видели в изменении текста искажение смысла, что вытекало из естественной для каждого носителя русского языка видовой характеристики глагола: седел еси для

СТАРООБРЯДЦЫ И СВ. МАКСИМ

С момента раскола русской церкви в 1650-х годах Максим Грек оказался в центре внимания старообрядцев благодаря двум своим сочинениям — «Сказанию како знаменоватися крестным знамением» и «Слову ко смеющим трижды глаголати аллилуйя». Оба текста стали мощными аргументами в полемике с никонианами: первый — в пользу двуперстия, второй — сугубой аллилуйи, то есть двукратного, а не трехкратного ее возглашения. Разногласия по обоим вопросам имелись в XV–XVI веках и у греков, и у русских; отстаиваемые Максимом варианты были утверждены на Стоглавом соборе 1551 года, но отменены собором 1667 года. Контраргументом никониан, то есть официальной церкви, стал полемический трактат Симеона Полоцкого «Жезл правления» (1667 год), где высказано сомнение в подлинности этих сочинений. Затем была предпринята попытка сфальсифицировать тексты Максима в собрании его сочинений, составленном в Троице-Сергиевом монастыре в начале XVII в.. Некоторые слова были подчищены и заменены так, чтобы смысл текста стал противоположным, но вышла осечка: исправить названия сочинений в оглавлении забыли. Подлог заметили и профессионально разоблачили выговские поморские старообрядцы. Они же в 1721 году составили Поморское собрание сочинений Максима, восходящее к рукописям Соловецкого монастыря. Единственное существующее издание Толковой Псалтыри 1522 года в переводе Максима Грека осуществлено тоже старообрядцами: в 1896 году книга была напечатана по рукописи 1592 года в московской единоверческой типографии при Свято-Троицкой Введенской церкви.